

И.А. Овчинина

Зилов

ЗИЛОВ Виктор Александрович — герой пьесы А. Вампилова «Утиная охота», инженер, работающий в Центральном бюро технической информации. Ему «около тридцати лет, он довольно высок, крепкого сложения; в его походке, жестах, манере говорить много свободы, происходящей от уверенности в своей физической полноценности. И в то же время и в походке, и в жестах, и в разговоре у него сквозят некие небрежность и скука, происхождение которых невозможно определить с первого взгляда».

Жена Зилова Галина работает в школе учительницей, она мечтает о ребенке, о полноценной семье. Но к этой стороне жизни Зилов практически равнодушен.

Его единственная страсть — утиная охота. Каждый год Зилов с нетерпением ждет начала охотничьего сезона, к которому он тщательно готовится, хотя стрелок из него неважный, потому что охоту воспринимает очень эмоционально и всегда излишне нервничает.

Пьеса начинается с того, что накануне отъезда на охоту в дождливое утро Зилов неожиданно получает «большой, дешевый, с крупными бумажными цветами и длинной черной лентой сосновый венок». На ленте написано: «Незабвенному безвременно сгоревшему на работе Зилову Виктору Александровичу от безутешных друзей».

Зилов ошеломлен. Мальчику, принесшему венок, он говорит: «Нет, ты скажи, послать товарищу такую штуку на похмелье да еще в такую погоду, разве это не свинство?..» Он чувствует, что это далеко не безобидный розыгрыш («Так... Значит, пошутили и разошлись»).

В уме он проигрывает, как друзья поведут себя, узнав о его смерти («Спорим, что он распустил этот слух, а сам сидит в “Незабудке”»); «Вы только подумайте, вчера он собирался на охоту, шутил... А сегодня?!»; «Такого я от него не ожидала. Он был Алик из аликов»; «Какое несчастье! Я бы никогда не поверил, но, знаете ли, последнее время он вел себя... неосмотрительно»; «Я не верю, не верю, не верю... Зачем он так сделал?»).

Обстоятельства жизни Зилова, особенности его натуры и характер взаимоотношений с людьми восстанавливаются через ряд сцен-воспоминаний героя.

Растерянный Зилов вспоминает события недавнего прошлого. Перед его внутренним взором возникает картина в кафе «Незабудка», где работает официантом неизменный товарищ Зилова по охоте Дима.

Зилов только что получил квартиру. Соблюдая традиции, он намерен отпраздновать это событие вместе с друзьями и со своим начальником Кушаком, которого он поджидает в кафе в компании коллеги и приятеля Саяпина. Несколько нарушает планы Зилова неожиданно появившаяся в «Незабудке» Вера, продавец промтоварного магазина. «Твоя любовь, если не ошибаюсь», — замечает Саяпин.

Зилов умеет нравиться женщинам и легко заводит с ними кратковременные, ни к чему не обязывающие связи. Столь же легко он и охладевает к ним. Вера появилась совершенно некстати («Сегодня нам лучше не встречаться. И вообще она мне надоела»). «Смотри, алик, я найду себе другого», — игриво предупреждает Вера. Зилов мгновенно парирует: «Сама найдешь или тебе помочь?»

Но и Веру, всех мужчин называющую «аликами», трудно смутить. Узнав о новоселье, она буквально напрашивается к Зилову в гости, хотя тот сразу же недвусмысленно дал понять, что ее присутствие у него дома нежелательно («Я бы с удовольствием, но жена, я думаю, будет против»). Вера производит впечатление на Кушака, и тогда Зилов, видя это, тотчас находится: «Я просто не успел тебя пригласить. Милости прошу... Всем будет очень приятно. Очень весело. Короче, тебя там только не хватало».

Новоселье отмечается в новой, еще не обставленной квартире. «Стол... один стул, железная кровать, чемодан — вот и вся обстановка». В ожидании гостей Галина хлопочет вокруг стола. Зилов, созвавший друзей, откровенно иронизирует над ними. «Жратва, я тебе скажу, нешуточная. Никто из них не заслужил такой жратвы. Кроме начальства».

Предупреждая Галину о том, что, кроме известных ей лиц, придет Вера, Зилов спешит выдвинуть безотказно действующий аргумент: «В общем Кушак от нее в восторге». Он врет, не задумываясь, предавая при этом Веру и создавая недобрую славу Кушаку. «Его жена старая ведьма. И между прочим, он просил меня поговорить с тобою... Чтобы ты разрешила им здесь встречаться».

Через несколько минут довольно цинично Зилов спешит сказать Кушаку о Вере: «Вы ее заинтриговали... Она на вас упала». И дает совет: «Действуйте смело, не церемоньтесь... Хватайте быка за рога». Всем гостям Вера была представлена как «знакомая Вадима Андрейча». А в конце вечера Зилов демонстрирует полное безразличие к ней. Более того, когда Кузаков признается, что Вера ему понравилась, он советует: «Ну так займись, в чем же дело». Но как только Кузаков положительно отозвался о Вере («Мне кажется, она совсем не та, за кого себя выдает»), Зилов спешит его разочаровать: «Старик, ты ошибешься, как всегда».

О Зиллове сложилось мнение, будто друзья у него — на первом плане. «...Для друзей ты готов на все», — считает Галина. Однако же по-настоящему Зилов никем не дорожит. Об ушедших гостях он небрежно бросает жене: «Они мне надоели».

К работе Зилов относится спустя рукава. Он избегает лишних нагрузок, старается жить, не утруждая себя никакими заботами. Получив от Кушака задание написать статью о «модернизации, поточном методе, молодом растущем производстве», он целую неделю провел в бездействии. Когда же Кушак срочно потребовал конкретный материал, Зилов идет на фальсификацию. Вместо фактов («А где мы их сегодня возьмем?») он подсовывает проекты (план реконструкции фарфорового завода). «Будем считать, что за год эти чудесные проекты осуществились. Мечта стала явью», — беззаботно успокаивает он Саяпина, который никак не решается поставить подпись под откровенной фальшивкой. Зилов действует на «авось» («Проскочит. Никто внимания не обратит. Кому это надо?»). «Старик, будем оптимистами», — слышит от него Саяпин.

Чтобы ускорить дело, он предлагает положиться на волю случая и кинуть жребий. Зилов бросает монеты до тех пор, пока не выпала нужная сторона («Слава Богу, хоть одно дело сделали»). Под его очевидным напором безвольный Саяпин ставит подпись под статьей.

Даже когда выявляется обман, он с абсолютным спокойствием пытается выкрутиться перед Кушаком, потрясенным подобной безответственностью. «Как же это могло случиться? — играет роль Зилов — Будем выяснять, что же делать?..»

С родителями Зилов видится крайне редко, последний раз навещал их четыре года назад. Зилов не обременяет себя ни заботами, ни мыслями о стариках. Он затрудняется назвать точный возраст отца («То ли семьдесят два, то ли семьдесят пять. Так что-то»).

Получив от отца письмо, Зилов принимается его читать: «Посмотрим, что старый дурак пишет». Текст отцовского послания вызывает у него только досаду. «О Боже мой. Опять он умирает... Обрати внимание, раз или два в году, как правило, старик ложится помирать», — обращается он к Саяпину. Затем громко читает текст: «...На сей раз конец — чует мое сердце. Приезжай, сынок, повидаться, и мать надо утешить, тем паче, что не видела она тебя четыре года».

Содержание письма не только не насторожило и не взволновало Зилова — оно вызвало раздражение. «Понимаешь, что делает? — делится он с Саяпиным. — Разошлет такие письма во все концы и лежит, собака, ждет. Родня, дура, наезжает, ох, ах, а он и доволен. Полежит, полежит, потом, глядишь — жив, здоров и водочку принимает».

От резонных слов Саяпина («Старый. И в самом деле может помереть») Зилов

просто отмахивается («Да нет, папаша у меня еще молодец»). Приятель все же предлагает навестить родителей, поехать к ним «в отпуск, в сентябре». Но для Зилова «сентябрь — время неприкосновенное: охота».

В это время в кабинете появляется девушка Ирина, перепутавшая здания. Ей нужна редакция, чтобы дать объявление для одного молодого человека. Выясняется, что Ирина приехала в город поступать в институт. С неким Костей у нее было назначено свидание. «И надо же: как раз сегодня у нас сочинение <...> Прибежала, а его уже нет».

В Зилове мгновенно заговорил современный сердцеед. Иронизируя над девушкой, он разыгрывает из себя журналиста. Поток вранья прерывает Кушак, требующий статью от своих подчиненных.

Зилов тотчас устремляется за огорченной розыгрышем Ириной, на ходу бросая приятелю: «Такие девочки попадают нечасто». И невозможно понять, где он ерничает, а где серьезен: «Она же святая... Может, я ее всю жизнь любить буду — кто знает?»

На какое-то время Зилов задерживает звонок от жены. Ей необходимо встретиться с мужем. И снова из его уст льется ложь. «Это невозможно... Срочная работа. Отчет... Все в отпуске... Вдвоем тут пластаемся».

Галина сообщает мужу об очень важном событии — она ждет ребенка. Однако для Зилова этот факт не представляет интереса. Разговор с женой он ведет так, будто речь идет о неодоушевленном и малозначительном предмете. «Ну и прекрасно. Поздравляю... Сын, я уверен... А как же? Ну рад... Да рад я, рад... Ну что тебе — спеть, сплясать? Увидеться? Сегодня увидимся... Ведь не сию же минуту он у тебя будет...»

Дома он появляется лишь на рассвете, проведя всю ночь на свидании с Ириной. И как ни в чем не бывало Зилов сыплет словами. «Ты что? Совсем не ложились?.. Нет, нет. Нельзя так много работать. Мы не лошади».

Ложь — это обычное состояние Зилова. Переключаясь на свою персону, он изображает усталость от работы. «Я падаю с ног... Нет, из этой конторы надо бежать... Ну сама посуди, разве это работа?... Знаешь, где я был?.. Представь себе, в Свирске. Вчера после обеда — бах! Садись — поезжай. Куда? На фарфоровый завод. Зачем? Грандиозное событие: реконструировали цех. Изучить, обобщить, информировать научный мир. О чем? Заводик-то — ха! Промартель. Я все-таки инженер, как никак...»

Выслушав Зилова, Галина молчит. В конце концов, Зилов все же почувствовал, что жена молчит не случайно. Но сдаваться не в его правилах. «Что случилось? Чем ты недовольна?.. Может, я в чем виноват, так скажи, сделай милость...»

Галина говорит, что она не верит ни одному его слову. Зилов ничуть не расстраивается и довольно ловко выходит из неприятной ситуации. «Напрасно. Жена должна верить мужу. А как же? В семейной жизни главное — доверие. Иначе семейная жизнь просто немыслима».

Узнав о том, что его видела соседка в десять часов вечера в гастрономе, он продолжает беззаботно играть. «Марья Васильевна?.. Она?.. Тогда все ясно. Она же близорукая. Подумай сама, она меня! видела, а я ее нет... Галка, ты стала слишком подозрительной. Соседям ты веришь больше, чем мне. Как тебе не стыдно».

Постепенно Зилова, кажется, начинает задевать демонстративное молчание жены. Наконец он слышит, что ребенка у них не будет. И тогда герой изображает благородное негодование. «Как ты могла!.. Ты не смела распоряжаться одна, слышишь?.. Ты понимаешь, что ты делаешь?.. Понимаешь? Нет, этого я тебе не прошу!»

Галина хорошо знает Зилова и довольно быстро охлаждает его пыл: «Перестань паясничать». Зилов продолжает актерствовать, но темп и напускные эмоции убавляет. Возможно, в глубине души он даже рад, что все так закончилось, так как ребенок создал бы много проблем. «Теперь уж не вернешь... Это дело мы поправим... В следующий раз ты шагу не сделаешь без моего совета. Да, да. Будешь находиться под моим наблюдением».

Как из рога изобилия, льются из уст Зилова слова, выстраиваясь в монологи. Демагог и фразер, он напоминает Галине: «Когда-то мы обещали друг другу верить... Друг другу, а не соседям...» Он даже пытается доказать Галине, что у него все чувства к ней сохранились. «Во всяком случае у меня к тебе все в целостности-сохранности. Как шесть лет назад».

Чтобы Галина ему поверила, Зилов начинает восстанавливать в памяти вечер шестилетней давности, когда он пришел к Галине на свидание и принес ей подснежники. Заново проигрывая детали той встречи, он сумел вовлечь в эту игру-воспоминание и жену. Но Зилов уже не тот. Тогда, шесть лет назад, он волновался, а не просто произносил готовый текст.

Заново пережить памятный для обоих вечер не удастся. Зилов не может вспомнить самые главные слова («Вспомни, прошу тебя!»). Что для Галины является настоящим подтверждением чувства, для Зилова — лишь слова («Черт возьми! Мало ли что мужчина мог сказать в такую минуту!»).

Вскоре Зилов благополучно забывает о страданиях жены и с радостью назначает свидание Ирине. В тот день, когда выясняется, что Зилов подписал статью с липовыми данными, ему приносят на работу телеграмму. «Умер отец... На этот раз старик не ошибся». По его просьбе Галина приносит ему денег на дорогу. Однако он помнит о свидании с Ириной и старается освободиться от присутствия жены («До свиданья. Мне пора на самолет... Я хочу быть один, ты понимаешь?»).

Не выдержав напряжения, Галина рассказывает Зилову о письмах, которые она получает от друга детства. Зилов, сам поджидающий девушку, мгновенно взрывается. «И тебе не совестно?.. У тебя переписка, шашни, черт знает что, и это ты преподносишь мне именно сегодня!.. Ну спасибо тебе, утешила». Он искусственно взвинчивает себя и картинно отталкивает Галину. «И чтобы такую женщину я привел на могилу своего отца? Никогда! Уходи, я не желаю тебя видеть!».

Но поскольку все чувства Зилова неглубоки, он довольно быстро успокаивается. Ему не хочется никаких скандалов, психологических сложностей, новых проблем. «Ладно... Я психанул, извини... Нервы сдают. Должна понять, в каком они у меня состоянии». «И все-таки ты иди домой, хорошо?» — просит Зилов Галину.

Через некоторое время в кафе приходит Ирина. Зилов радуется ее появлению и даже проявляет некоторую нежность («положил ее руки на свою ладонь»). Но неожиданно в «Незабудку» вновь входит Галина с плащом и портфелем для Зилова. Она «подходит к ближайшему стулу» и молча оставляет на нем вещи.

Только теперь Ирина узнает, что Зилов женат. Девушка, конечно, не была готова к такому сообщению. Зилов хладнокровно предупреждает эмоциональный взрыв. «Так... Ты потрясена. Убита... Для тебя все кончено... Ну?.. Можешь назвать меня мерзавцем, можешь встать и уйти... Делай, что хочешь... Все кончено, не правда ли?.. А? Что же ты молчишь?.. Ты не знаешь, что говорят в таких случаях? Пожалуйста, я тебя научу...»

Зилов спешит отказаться от жены, но, в сущности, он верно характеризует свои семейные дела. «Я женат — в самом деле, — расписан, действительно, но мы с ней давно уже чужие люди, друзья, добрые друзья. Не больше». Ирина успокаивает Зилова («Сначала я чуть не умерла... А потом почувствовала, что мне все равно, женат ты или нет. И мне стало страшно»). Зилов испытывает радость облегчения («Ты понятия не имеешь, какая ты прелесть...»), заказывает ужин и откладывает отъезд на похороны отца.

Следующее воспоминание показывает, как развивались события в дальнейшем. На сцене — квартира Зилова. Галина «занята сборами в дорогу». Она едет отдохнуть к дяде. Просит Зилова ее не провожать и уходит из дома, пообещав вернуться через месяц.

Едва жена вышла за порог, Зилов сразу же набирает номер по телефону и приглашает Ирину к себе. «Ты вот что. Давай быстренько ко мне... Прямо сейчас... Да... Я один... Один как перст... Она уехала... Никаких, я тебя жду».

Только он успевает закончить разговор, возвращается Галина, чтобы сказать мужу правду. Она уезжает навсегда к другу детства, который ее любит и давно к себе зовет. Галина устала от лжи, бессердечия и цинизма Зилова. Он растерян и все старается свести к шутке, к привычной для него фальши («Дай слово, что ты вернешься. Иначе я тебя не пущу...»). Но Галина прекращает эту тягостную для нее сцену. «Хватит тебе прикидываться. Куда я еду, к кому — тебе это все равно... Тебя давно уже ничего не волнует. Тебе все безразлично. Все на свете. У тебя нет сердца, вот в чем дело».

Атмосфера постепенно накаляется. Зилов переходит на повышенный тон, незаслуженно оскорбляет жену («Я понимаю, тебе не терпится наставить мне рога»). В нем закипает ярость, он надеется удержать Галину силой. Ей удается уйти в другую комнату и запереть Зилова на ключ. Ошеломленный поступком жены, Зилов постепенно смягчается («Я тебя не трону... А этого друга, слышишь, убью... Никуда ты не уйдешь... Это просто невысказано. Не забывай, ты моя жена... Послушай, я хочу говорить с тобой откровенно»). Между тем «Галина тихо уходит».

Наконец в Зилове что-то пробудилось и он начинает говорить «искренне и страстно», пожалуй, впервые за долгое время. «Я сам виноват, я знаю... Я тебя замучил, но клянусь тебе, мне самому опротивела такая жизнь... Что со мной делается, я не знаю». Этой исповеди Галина не слышит. В пустоту несется признание Зилова, что у него никого больше не осталось, кроме нее.

Зилов страшно теряет женщину, которая его понимала и долгое время терпела и мирилась с его недостатками. Он страстно взывает: «Помоги мне! Без тебя мне крышка... Уедем куда-нибудь! Начнем сначала, уж не такие мы старые...» В нем начинает говорить поэт, когда он обещает взять Галину на охоту, показать ей туман на рассвете, красоту природы, свои любимые места, которыми он доселе любовался в одиночку. «И уток ты увидишь... На охоту я не взял бы с собой ни одну женщину. Только тебя... И знаешь почему?.. Потому что я тебя люблю». Вместо Галины эти слова слышит подошедшая к двери квартиры Зилова Ирина и принимает их на свой счет.

Зилов понимает бессмысленность своей жизни, ничем серьезным не наполненной. Он всегда жил в какой-то пустоте, без серьезных привязанностей, без целей и идеалов. Правда, он еще способен испытывать потребность в близком человеке. К осознанию своей внутренней драмы ведут Зилова все поражения и прежде всего — уход Галины, нашедшей в себе силы навсегда расстаться с человеком, который забыл самые главные слова в ее прошлой жизни.

Многое проясняет последнее воспоминание героя. «Торжественный и возбужденный» Зилов сидит во главе стола в кафе «Незабудка». Он пригласил друзей отпраздновать с ним начало сезона утиной охоты. Но в то же время на отношения с этими людьми он смотрит скептически. Мало того, официанту Диме Зилов высказывается совершенно определенно: «Откровенно говоря, я их и видеть-то не желаю».

Ему уже давно понятно, что их всех роднит полное равнодушие друг к другу, беспринципность и потребительское отношение к жизни. Он разъясняет Диме суть принятых в их компании жизненных позиций. «Ну вот мы с тобой друзья. Друзья и друзья, а я, допустим, беру и продаю тебя за копейку. Потом мы встречаемся и я тебе говорю: “Старик, говорю, у меня завелась копейка, пойдём со мной, я тебя люблю и хочу с тобой выпить”. И ты идешь со мной, выпиваешь. Потом мы с тобой обнимаемся, целуемся, хотя ты прекрасно знаешь, откуда у меня эта копейка. Но ты идешь со мной, потому что тебе все до лампочки, и откуда взялась копейка, на это тебе тоже наплевать... А завтра ты встречаешь меня — и все сначала...»

Гостей, оказывается, Зилов созвал «для полноты счастья... сегодня я гляжу на эти рожи, а завтра я на охоте». Охота — это единственное убежище от скуки, от надоевших людей, от постоянной лжи и фиглярства. Там, наедине с природой, он действительно

волнуется, его переполняют чувства, будоражат новые ощущения. Сейчас у Зилова появилось предчувствие, что на сей раз ему на охоте повезет.

Правда, Дима так не считает («Как мазал, так и будешь»). Официант спокойным, равным голосом объясняет Зилову, как надо вести себя на охоте. Там главное не рука и глаз («глаз у тебя на месте и рука нормальная»), а «как к ней подходить. Спокойно или нет. С нервами или без нервов...» Дима учит бить влет: «Быстро, но опять же полное равнодушие». И к уткам надо относиться так, «вроде бы они летят не в природе, а на картинке». Вот этого Зилов принять не может. «Но они не на картинке. Они все-таки живые».

Дима во всем демонстрирует принцип «мне все равно». Не случайно Галина называла его «ужасным» («Один взгляд чего стоит. Я его боюсь»). Он все делает «спокойно, ровненько, аккуратненько, не спеша». «Э, видел бы ты его с ружьем, – однажды сказал Зилов Саяпину. – Зверь... Гигант. Полсотни метров влет — глухо».

Зилов еще до прихода гостей выпил. Для него алкоголь — своего рода наркотик. Нервы у него на пределе, он взвинчен, по каждому поводу взрывается. Вскоре Зилов начинает дерзить своим гостям. Алкоголь помогает ему убрать все границы между приличным и неприличным, дозволенным и недозволенным.

Напившись, распоясавшийся Зилов устраивает в кафе скандал. Только что он в разговоре с Димой охарактеризовал всех своих приятелей. Теперь он высказывается более определенно и целенаправленно, никого не щадя при этом. Беда в том, что его злые оценки, как правило, справедливы. И гости не могут не чувствовать это.

Зилов разгадал лицемерие сластолюбивого Кушака «По-моему, вы пьете дома. По ночам»; «Зачем вы пришли, скажите-ка лучше откровенно... Вам нужна девочка — вот зачем вы сюда пожаловали». Какое у него может быть уважение к Вере («Спросите-ка, с кем она здесь не спала»)? Ему надоели всякие условности, и он бросает вызов. «Перестаньте. Кого вы тут обманываете? И для чего? Ради приличия? Так вот плевать я хотел на ваши приличия. Слышите? Ваши приличия мне опротивели».

Праздник по поводу начала охоты Зилов превращает в маскарад, на котором он сбрасывает с людей маски. Он никого не щадит, в том числе, и себя. Презрев нравственные ценности, растоптав такие понятия, как любовь, семья, дружба, работа, герой все же испытывает потребность в человеческом участии и в обретении смысла жизни.

Во время скандала Зилов выплескивает наружу презрение к людям, обнаруживает душевный надлом — следствие цинизма и пессимизма. Здесь он надругался и над чувством Ирины («Она такая же дрянь, точно такая же. А нет, так будет дрянью. У нее еще все впереди...»). А потом Диму называет лакеем, за что тот спокойно, без свидетелей «бьет Зилова в лицо».

Вся компания к выходке Зилова относится как к рядовому явлению и чуть ли не с пониманием. Вот почему Кузаков с Саяпиным возвращаются, чтобы увести его домой. В этот момент Саяпину и приходит в голову идея преподнести Зилову венок («Завтра мы ему устроим!»).

Наутро, получив сюрприз от друзей, Зилов чувствует, как у него из-под ног уходит почва. Он плохо помнит, что случилось накануне, и впервые ощущает полное одиночество. Покоритель женских сердец, он всеми покинут. Диме по телефону Зилов признается: «После вчерашнего я остался один... И получается так, что ты — самый близкий мне человек...»

Трудно упрекнуть Зилова в самообмане. Он знает цену и себе, и окружающим. Жестокий с людьми, он беспощаден и к самому себе. В состоянии тупика он видит выход в самоубийстве и приглашает всю компанию на свои поминки. «Все правильно, ребята... Приходите на поминки... Уж доведем дело до конца...»

Затем он пишет прощальную записку («В моей смерти прошу никого не винить») и приступает к последнему акту. «Уселся на стул, ружье поставил на пол, навалился грудью на стволы». Примчавшиеся на такси Кузаков с Саяпиным отбирают у него ружье.

«Чем ты недоволен? Чего тебе не хватает? – спрашивает Кузаков. – Молодой, здоровый, работа у тебя есть, квартира, женщины тебя любят. Живи да радуйся <...> Кому она нужна, твоя смерть, подумай сам... А если тебе не нравится твоя жизнь, ну и отлично, живи по-другому, кто тебе мешает?.. И не суди по себе, не думай о людях скверно». Кузаков произносит вроде бы правильные слова. Но за этой правильностью не скрыто сострадание и понимание драмы Зилова. Впрочем, все алики, окружающие Зилова, еще мельче и приземленнее, чем он, хотя, по большому счету, и сам Зилов несколько не лучше любого из них.

Зилову неприятно, что его застали за приготовлением к самоубийству. Он раздражен, просит его оставить («Это дело я доведу до конца. И никто, черт вас подери, ни одна душа на свете мне помешает»). И только на Диму последняя выходка Зилова не производит никакого впечатления. «Картечь... А пистоны у тебя ненадежные. замени на простые, они безотказные». И так же равнодушно Дима собирается уходить, видя, что Зилов отказывается ехать на охоту («А что я могу сделать?.. Сам должен соображать»). Умный Зилов ценит такое хладнокровие и нежелание учить его жизни. «Ты жуткий парень, но ты мне больше нравишься. Ты хоть не ломаешься, как эти».

После того, как Зилов остался один, с ним начинается истерика. Плачет он или смеется, понять невозможно, но его тело долго содрогается так, как это бывает при сильном смехе или плаче».

Через некоторое время он со спокойным лицом встает с постели и звонит Диме. «Извини, старик, я погорячился. Да, все правильно... Совершенно спокоен... Да, хочу на охоту... выезжаешь? Прекрасно... Я готов... Да, сейчас выхожу».

Возможно, на утиной охоте душа Зилов возродится, возможно, в его жизни наступит перелом, а, может быть, все останется по-старому. Что его ждет — неизвестно.